

Творческое наследие
Густава Густавовича Шпета
в контексте философских проблем
формирования
историко-культурного сознания
(междисциплинарный аспект)

Г.Г. Шпет / *Comprehensio*
Четвёртые Шпетовские чтения

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТОМСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2003

Д.В. Сухушин (Томск)

Проблема интерпретации
специфики философии
в творчестве Г. Шпета и Л. Шестова

Философское наследие Г. Шпета и Л. Шестова вызывает интерес сегодня не только в контексте восстановления исторической справедливости, но и как возможное пояснение современного понимания философии. Философия в двадцатом веке, утратив своё метакультурное и метанаучное значение, совершила революционные преобразования традиционной философской проблематики. Идеи универсального философского знания и научной формы как оптимального способа его производства, хранения и передачи потеряли доминирующее положение в современных философских практиках. Тем самым потеряла свою актуальность идея чистой философии, которая была одним из ориентиров философствования. Каждая значимая попытка философствовать в этой ситуации направлена не только на решение философской проблемы, но и на определение самой стратегии философии, что сопряжено с переосмыслением предмета и методов, генезиса и целей философствования. Интенсивное обсуждение метафилософских проектов является одним из показателей философского плюрализма и разнообразия философствования.

Отказываясь от приоритета в разрешении систематических и методологических, «царственных» задач, философия осталась вне традиционной культурной ниши. Поиск нового культурного статуса является задачей, определяющей существование философии.

Точкой отсчёта на этом пути выступает метафилософский концепт, в контексте которого ставится вопрос о преемственности и перспективах философствования.

Казалось бы, Г. Шпет и Л. Шестов, утверждая или отрицая, философски развивают тему разума, утратившую ныне своё значение. Однако их философское значение, помимо того, определяется и результатами осмысления метафилософских вопросов, обсуждение которых свойственно для большинства отечественных философов.

Идея чистой философии является точкой отталкивания для отечественной философской традиции. Её преодоление становится способом утверждения собственной философской самостоятельности. Если посмотреть на обсуждение вопроса о началах философии Чаадаевым и славянофилами, Достоевским, Толстым, Соловьёвым или Фёдоровым, на его рассмотрение в рамках академической и университетской русской философии, то мы обнаружим удивительное единство в одном пункте, в вопросе об автономии философии. Претензия на самодостаточность понимается как стремление отвлечь философию от жизни и истории, и потому её итогом, согласно русским философам, становится очевидная беспредметность, неполнота и бесцельность философии. Поэтому одной из основных оппозиций, которую пытается снять отечественная философия, является противопоставление строгости философского дискурса и «общечеловеческих» задач философии, предусматривающих доступность и рецептурный характер философских выводов. На этом фоне понимание специфики философствования формулируется одновременно в двух направлениях. С одной стороны, философские усилия направлены на развитие форм мышления, обсуждается проблема метода, истины, особенностей философского знания, с другой стороны, ведётся речь об использовании философии в деле космического преображения сущего, победы над смертью, утверждения общечеловеческих ценностей, спасения человечества, его морального исправления, оправдания этических доктрин, открытия провиденциального смысла истории и т.д.

Осмысление оснований философии, как необходимый момент философствования, в отечественной философии совершается преимущественно на пути синтеза имманентного и трансцендентно-

го истолкования философии. Поэтому рассмотрение метафилософской проблематики нацеливалось на поиск условий и способов объединения философии, науки, богословия и демонстрации эффективности этого симбиоза при решении социальных и «всемирно-исторических» проблем. От идеи синтеза отказывается и Г. Шпет, и Л. Шестов.

Наиболее яркую форму утверждения самодостаточного философского знания и его дискредитации мы находим в творчестве этих двух философов, не принадлежащих к магистральному руслу отечественной философии. Однако, как представляется, исследование их творчества показывает, что философия имеет не один уровень интерпретации, и потому не может быть сведена к единственному принципу. Динамическая трактовка основания философии, которая опирается на философское творчество Г. Шпета и Л. Шестова, отсылает одновременно к избыточности основания философии и безосновности философствования. Эволюция творчества Л. Шестова и Г. Шпета отчасти и обнаруживает их как необходимые полюса философствования.

Вопрос о возможном взаимопереходе внутреннего и внешнего истолкования философии, возникающий при сопоставлении философствования Г. Шпета и Л. Шестова, имеет свой разворот в философии и Г. Шпета, и Л. Шестова.

Опровергая метафилософскую позицию Вл. Соловьёва, Шестов рассматривает её как неудачную попытку на принципах «отвлечённого мышления» удовлетворить «жизненный интерес человечества». Л. Шестов, рассуждая о целях и генезисе философии в категориях жизни и отвлечённого мышления, противопоставляет их. На этой основе Л. Шестов различает религиозную философию рационалистического толка и экзистенциальное философствование. Философское учение, которое обосновывает разум трансцендентным началом, становится противоречивым, так как претендует на рациональное ограничение внерационально принимаемого абсолютного. Автономная философия имеет своим основанием доверие разуму, которое выражено требованиями единства и ясности. Усилия Л. Шестова направлены на дискредитацию модели автономного философствования путём демонстрации её необходимого исторического искажения. На уровне доктринально-мето-

дического комплекса единообразное следование принципам на основе доверия разуму не охватывает поле проблематического. В горизонте проблематического происходит разрушение единообразия автономной философии. Проблема как необходимый источник динамики философствования исполняет роль критерия в философии Л. Шестова. Философия опознаётся по вопросам, на которые нельзя дать однозначного окончательного ответа. Неснимаемость отличает философскую проблему от проблемы научной. Рассматривая особенности постановки философских проблем, Л. Шестов обращается к экзистенциальному горизонту философствования и переходит к характеристикам экзистенциальной философии.

Говорить об экзистенциально ориентированной философии в России можно в том смысле, что Н. Бердяев, М. Бахтин, В. Розанов и Л. Шестов декларируют экзистенциальное измерение как необходимый контекст, в котором только и может состояться философия. Исследование генезиса философствования приводит Шестова к идее сопоставления образа жизни и образа мысли, которое проводится в рамках философии переоценивания ценностей. Типологический анализ философии показывает условность и ограниченность теоретического истолкования философии. Демонстрация философского пафоса оборачивается потерей почвы, безосновностью философии.

В работе «Мудрость или разум?» Г. Шпет также обращается к анализу «*homo philosophus*», преформированного сознания человека, философского уклада сознания. Шпет пишет: «...сама идея «философа» только «знак», «смысл» которого, разумное основание которого в идее человечности, – *humanitas*...» [1. 326]. Как замечает Г. Шпет далее, – «...человечность... Это есть последнее слово европейской философии, потому что – в нём последнее «разумное основание», и, следовательно, конечное оправдание: мир должен быть очеловечен...» [1. 327]. Телеологическая интерпретация философии в творчестве Г. Шпета сочетается с идеей чистой философии, отвергаемой Л. Шестовым.

Г. Шпет на протяжении всего творчества углублённо занимался метафилософскими вопросами. Опровержение псевдофилософских проектов, выявление философского значения и недостатков мудрости, метафизики, полемика с представителями отрицатель-

ной философии ведутся на основе утверждения идей и приоритета положительной философии. Г. Шпет последовательно разрабатывал и демонстрировал критерии, отличающие философию от маскирующихся под неё форм мышления и жизни, и обосновывал ценность философии как превосходящего способа мышления и жизни. Проблема обоснования философии для Шпета, как представляется, состоит в необходимости продемонстрировать открытое единство философии, допускающее точку дифференциации философствования, которая определяет полипарадигмальность как философствования, так и истории философии. Концептуальная эволюция творчества Г. Шпета определена исследованием проблемы обоснования философии. Обращение к феноменологическому, герменевтическому, диалектическому направлению философской мысли происходит в рамках поиска адекватных образцов философствования.

«Идея *Mathesis universalis* XVII века, границы познания Локка, география ума Юма, Трансцендентальная философия, Наукоучение, Основные начала Спенсера и т.д. и т.п. – всё это, невзирая на различие содержания, – образцы и примеры попыток осуществления одной философской идеи», – отмечает Г. Шпет [2. 10]. Подлинным способом её осуществления является положительная философия, имеющая форму чистого знания. Мудрость и метафизика имеют ценность как этапы становления положительной философии.

Положительная философия не является теорией ни в «логическом» смысле, «где под ним разумеют проверенное, приведённое в систему с помощью гипотезы знание», ни в смысле противопоставления теоретического знания знанию прикладному и техническому. Её «предметом» выступают сами начала, принципы. Одновременно «...Философия в её целом направляется на познание всего в его конкретной полноте и целостности» [3. 32]. В основе философского переживания действительного как такового лежит идея разумности действительного и действительности разума. В силу этого философский акт есть акт уразумения, то есть интеллигибельной интуиции.

Интеллигибельная интуиция является основной формой реализации философской идеи. Идея интерпретируется на основе пу-

тей её становления, то есть реализации заложенных в ней возможностей, которые исторически невозможно исчерпать.

Раскрываются возможности диалектическим образом: в череде вопросов, положительных и отрицательных ответов, которые формируют две необходимые ветви философии: философии положительной и философии отрицательной. Критика отрицательной философии проводится посредством противопоставления принципов философии Канта, основателя отрицательной философии, и принципов философии Платона, основателя положительной философии. Г. Шпет определяет параметры позитивного философского знания следующим образом: «Отметим только следующие основные принципы Платона, в которых раскрывается утверждаемое им начало безусловной истины: а) истина для него предметна и усматривается нашим разумом в идее; б) высший принцип всякого утверждения истины есть «то же» в ней, то есть принцип тождества; в) полнота истинного бытия, познаваемая как конкретная целостность общего; г) идея выражает его сущность и всякое бытие утверждается через причастность ей или участие в ней; идея конечной сущности, блага разумна, так, что за разумом сохраняется его автономия» [3. 38–39]. Основное начало отрицательной философии раскрывается в философии Канта: «а) в начале познания лежит софизм, выражаемый в дилемме: или предметы или представления, – отрицание первой части дилеммы даёт утверждение второй; б) тождество есть принцип аналитических суждений, не расширяющих нашего знания, – синтетические суждения имеют своим принципом “я мыслю”, а не высказывают истину; в) общие положения нашего знания имеют абстрактный характер и представляют собой не высказывания об истине, а общеобязательные суждения, истинность которых тем более, чем они дальше от действительности; г) как источник познания идея антиномична и может играть роль регулятивного принципа, в роли конститутивного принципа она приводит только к иллюзиям; е) выход из антиномичности разума лежит в отрицании его автономии и через признание его благости» [3. 39]. Отрицательная философия, ограничивая возможности философского познания, тем самым определяет его дальнейшие пути и проблемы.

Идея положительной философии предполагает имманентную реконструкцию философского проекта. Поэтому Г. Шпет последовательно критикует внешнюю трактовку метафилософской проблематики, сведение философии к историческим и социальным условиям, построение философии по образцу научных дисциплин. Такое сведение философии к внешним для неё характеристикам и критериям – есть один из признаков и источников псевдофилософии. Псевдофилософия значима только как форма освобождения индивидуальной человеческой фантазии, творчества. Приоритет философии определяется тем, что философия реализует человечность в силу первичного, непосредственного доступа к тотальности действительности.

Единая идея, направляющая философствование на путь восхождения к единому и осуществляющая на этом пути природу и свободу человека, и есть основание философского единства. Философская идея определяет специфику, структуру и статус философского знания и поэтому является основанием философии. Она же является началом многообразия философии и динамики философствования. Таким образом, она утверждает себя как единое основание и снимает себя, поскольку заключает в себе неоплатонический принцип превышения себя, избыточности.

В поздний период творчества Г. Шпета, например, в работе «Внутренняя форма слова», намечаются коррективы метафилософского проекта, необходимость и возможность которых обнаруживаются при анализе социальной природы истолкования, энергичных сторон языка. Открытость и герменевтический характер философствования, которые ставят под сомнение автономию, «самозаконность» философии, обусловлены духовным, социальным укладом сознания, формирующим горизонт философа. Двойственный характер интерпретации философии указывает на сложную структуру философского акта.

Двойственность философии демонстрирует Л. Шестов, обращаясь к вопросу о её началах. Дискредитация единого как высшего философского принципа, парадоксальная полемика против автономии философии построены на отсылке к отсутствию основ философии, которые нельзя обнаружить ни в разуме, ни в едином, ни в философской традиции. Философия как апофеоз беспочвен-

ности, выдвигающая требование не прояснять, а скрывать, исходящая из стремления показывать в ясном и очевидном парадоксальное, выражает творческое кредо Л. Шестова.

Беспочвенность, согласно Л. Шестову, будучи онтологическим условием проблематического, оказывается источником напряжения, который определяет тип философа. В этом контексте страх, отчаяние рассматриваются не как психологические состояния, а как смыслоконституирующие априори. В дальнейшем, поиск трансцендентной инстанции, утверждающей единичное и многое как таковое, приводит Шестова к противоположным результатам. По ту сторону разума и единого обнаруживается источник действительности единичного и многого, что меняет представление о задачах философии. Философия должна подтвердить свои приоритетные права на представление действительности, которое становится основой её ценности.

Противоположность рационализма Г. Шпета и догматизма Л. Шестова не является случайной. Дуальная модель динамики философии, исходящая из необходимого противоречия двух трактовок философии и двух способов её обоснования, служит интерпретативной схемой становления философии в рамках метафилософии как Л. Шестова, так и Г. Шпета. Шестов и Шпет, показывая необходимую двойственность философии, акцентируют различные аспекты дуальной модели философствования. Чуткость к различиям, философская увлечённость и философский вкус объясняют эволюцию философствования Г. Шпета и Л. Шестова в направлении экспликации скрытого полюса философствования. Так, Г. Шпет, обращаясь к анализу духовного уклада социальных общностей, энергичных аспектов языка, переходит к исследованию трансцендентных для чистого знания условий философствования. Л. Шестов намечает имманентные способы обоснования философии. Несмотря на очевидное различие философских позиций, Шпет и Шестов демонстрируют, что противоположность двух принципов философии не снимается в самосознании, а единство философствования утверждается эстетическим образом. Как представляется, этим объясняются интерес к эстетике Г. Шпета и значение стиля философствования Л. Шестова. Переходя от философии систематической к философии границ, они закладывают ос-

новы продуктивной философской коммуникации в условиях культурной полипарадигмальности и философского плюрализма.

Статья подготовлена при поддержке Гранта Министерства образования по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук Г. 02-1. 1-239.

Литература

1. Шпет Г.Г. Мудрость или разум // Философские этюды. М.: Прогресс, 1994.
2. Шпет Г.Г. Явление и смысл. Томск: Водолей, 1996.
3. Шпет Г.Г. Работа по философии // Начала. 1992. № 1.